

УДК 343.1

Аширбакиев Ринат Маратович

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

rashirbakiev02@mail.ru

Ashirbakiev Rinat

Ural State Law University

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

УЧАСТИЕ ПЕДАГОГА И ПСИХОЛОГА В ДОПРОСЕ

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО, ПОДСУДИМОГО: ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация: в настоящей статье на основе анализа ст. 425 УПК РФ освещаются проблемные аспекты правового регулирования участия педагога и психолога при проведении допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого и подсудимого. Автор приходит к выводу о недостаточной правовой регламентации данной сферы общественных отношений и предлагает возможные варианты разрешения выявленных проблем.

Ключевые слова: уголовное процессуальное право, уголовное судопроизводство, допрос, несовершеннолетний, психолог, педагог.

PARTICIPATION OF A TEACHER AND A PSYCHOLOGIST IN THE INTERROGATION OF A MINOR SUSPECT, ACCUSED, DEFENDANT: PROBLEMS OF REGULATORY REGULATION

Annotation: this article, based on the analysis of Article 425 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, highlights the problematic aspects of the legal regulation of the participation of a teacher and a psychologist during the interrogation

of a minor suspect, accused and defendant. The author comes to the conclusion that there is insufficient legal regulation of this sphere of public relations and suggests possible solutions to the identified problems.

Keywords: criminal procedural law, criminal proceedings, interrogation, minor, psychologist, teacher.

Действующий УПК РФ не раскрывает понятие такого следственного действия как допрос, однако его содержание достаточно точно раскрыто в юридической доктрине. Так, допрос рассматривается как одно из следственных действий, которое представляет собой получение от допрашиваемого лица информации по обстоятельствам, имеющим значение для расследования дела [1, с. 277; 2, с. 81]. Допрос выражается в фиксации в процессуальной форме и на материальных носителях полученных сведений [3, с. 252]. Сущность допроса заключается в том, что в процессе его проведения осуществляется личное взаимодействие между следователем и дознавателем с допрашиваемым лицом, получение информации происходит путём общения и с помощью поставленных перед допрашиваемым вопросов, ответы на которые и представляют интерес для следствия [4, с. 265].

Допрос же несовершеннолетнего представляет собой взаимодействие с особым субъектом – с ребёнком, чей уровень психологического развития вносит значительные коррективы в ординарную тактику и стратегию поведения следователя во время осуществления такого следственного действия. Новую индивидуальную тактику поведения с несовершеннолетним должен помогать определить психолог или педагог, которые владеют специфическими знаниями в области психологии детей, а также навыками взаимодействия с ними. Психолог и педагог способны оценить возрастные, эмоциональные, поведенческие особенности несовершеннолетних, дать рекомендации следователю по осуществлению допроса, а также помочь самому несовершеннолетнему испытывать меньше стресса (или в принципе его исключить), помочь

сориентироваться в сложной и новой для него ситуации, а также помочь в ответах на вопросы следователя.

Таким образом, сущностное предназначение психолога или педагога, их глубинная роль в осуществлении такого следственного действия как допрос заключается в том, что они выступают в качестве связующего «моста» между следователем и допрашиваемым несовершеннолетним, помогают преодолеть барьеры взаимодействия между подростком и взрослым, позволяют им понять друг друга и построить эффективную и плодотворную работу [5, с. 85].

В уголовно-процессуальном законодательстве правовое регулирование допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого и подсудимого основывается на ст. 425 УПК РФ. В соответствии с ч. 3 ст. 425 УПК РФ в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно. В рассматриваемой норме предусмотрены юридические факты, от наличия или отсутствия которых зависит разрешение вопроса об участии педагога или психолога в допросе. Анализ данной статьи позволяет установить, что в основу дифференциации правового регулирования положены возрастной, физический и психический критерии, которым соответствует несовершеннолетний. Участие педагога или психолога ставится в зависимость от достижения ребёнком шестнадцатилетнего возраста, наличия психического расстройства или отставания в психическом развитии.

Трудно не согласиться с позицией законодателя, что предложенный перечень критериев регламентирует широкий круг жизненных ситуаций, в которых возникает объективная необходимость привлечения педагога или психолога к допросу несовершеннолетнего. Вместе с этим необходимо обратить внимание на иные положения УПК РФ, в которых вопрос о привлечении указанных специалистов был разрешён иным образом.

Так, в ст. 280 УПК РФ при производстве допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля в судебном заседании предусмотрены более широкие критерии привлечения педагога и (или) психолога в той части, в которой достаточными основаниями признаются наличие у несовершеннолетнего физических или психических недостатков. Представляется, что закреплённые в ст. 280 УПК РФ условия позволяют в значительно большем количестве случаев проводить допрос несовершеннолетних с участием педагога и (или) психолога, чем при применении ст. 425 УПК РФ. Можно утверждать, что установить физические или психические недостатки существенно проще в сравнении с необходимостью доказывания наличия «психического расстройства» или «отставания в психическом развитии», как того требует ч. 3 ст. 425 УПК РФ.

В ч. 1 ст. 280 УПК РФ законодатель также установил, что при отсутствии физических и психических недостатков несовершеннолетнего в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет суд по своему усмотрению может привлечь педагога или психолога в допросе. Ст. 425 УПК РФ не предоставляет суду подобной дискреции.

Кроме того, в ст. 280 УПК РФ законодатель установил возможность одновременного участия и психолога, и педагога при проведении допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля, что однозначно имеет положительное значение, поскольку выступает дополнительной правовой гарантией прав и законных интересов ребёнка в уголовном процессе. В ч. 3 ст. 425 УПК РФ подобное правило не нашло нормативного отражения, но предусмотрено участие лишь одного из специалистов.

Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что в ст. 425 УПК РФ предусмотрены меньшие правовые гарантии при проведении допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого и подсудимого в сравнении со ст. 280 УПК РФ, регламентирующей допрос потерпевшего и свидетеля. Представляется, что у существующей правовой дифференциации нет объективных оснований, поскольку применение обеих статей связывается с

допросом во время судебного заседания (в соответствии с ч. 6 ст. 425 УПК РФ её положения применяются при проведении допроса несовершеннолетнего подсудимого). В связи с чем можно отметить непоследовательность и произвольность правовых решений, принятых законодателем.

На наш взгляд, оптимальным решением рассматриваемой проблемы может стать закрепление в ст. 425 УПК РФ таких критериев участия психолога и (или) педагога в проведении допроса несовершеннолетнего, как и при допросе несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля (ст. 280 УПК РФ). Также необходимо предусмотреть возможность одновременного участия психолога и педагога в проведении рассматриваемого следственного и судебного действия, а также предоставить суду дискрецию привлекать указанных специалистов по своей инициативе.

Из анализа требований ст. 425 УПК РФ и иных положений процессуального закона можно сделать вывод об отсутствии ряда необходимых правовых норм, регулирующих вопросы участия педагога и психолога в уголовном судопроизводстве. Как представляется, закон умолчал о нескольких важнейших деталях, о которых пойдёт речь далее.

Так, законодатель не закрепил перечень требований, предъявляемых к психологу и педагогу. Представляется, что установление подобных требований является объективной необходимостью, которая вызвана процессуальной ролью данных лиц. Однако, в этом случае не идёт речь о том, что законодателю следует установить предельно узкие и конкретные (неальтернативные) критерии допуска психолога или педагога к участию в проведении следственных действий. Например, уровень профессионализма, большой стаж работы, специальное профильное образование в сфере детской психологии и т. д. В этом случае, с одной стороны, лучше обеспечивались и гарантировались бы права и законные интересы несовершеннолетнего, который получал бы реальную возможность взаимодействовать с компетентным специалистом, способным минимизировать негативное воздействие следственных действий на психику ребёнка. Однако, с

другой стороны – подобное решение существенно осложнило бы уголовное следствие с участием несовершеннолетних. Причины такого последствия весьма очевидны – недостаток кадров в области детской психологии, которые были бы готовы работать со следователями. В этой же связи представляется необходимым поместить стратегическую цель по ликвидации сложившегося «кадрового голода» в рамки одного из направлений государственной политики по обеспечению наибольшей правовой защиты несовершеннолетних.

Вышеописанные положения свидетельствуют о том, что законодателю следует с учётом необходимости обеспечения разумного баланса двух конституционных ценностей (прав несовершеннолетнего и потребностей расследования уголовных дел) ввести соразмерное правовое регулирование. Одним из решений могло бы стать закрепление образовательного ценза для участия психологов в следственных действиях, например, наличие высшего образования уровня бакалавриата и выше. Такое решение позволило бы не допускать до работы с несовершеннолетними явно некомпетентных «специалистов». Несмотря на формальность избираемого подхода, полагаем, что такая норма имела бы позитивные результаты и была бы достаточно мягким регулированием данного вопроса. К тому же предлагаемые изменения являлись бы лишь первым шагом на пути к дальнейшему развитию института участия педагогов и психологов в уголовном судопроизводстве.

Следующая проблема, на которую стоит обратить внимание, заключается в отсутствии норм, регламентирующих права, обязанности и полномочия психолога и педагога в процессе допроса несовершеннолетнего. Так, по мнению И.А. Макаренко существенным упущением является то, что действующих УПК РФ фактически указывает лишь на формальное присутствие обозначенных специалистов [6, с. 5-7]. С.В. Тетюев в своём анализе положений уголовно-процессуального закона (в контексте применения ст. 191 УПК РФ) высказывает мнение о том, что действующее процессуальное законодательство не позволяет определить и сформировать чёткое понимание о целях и задачах педагога и

психолога, участвующих в допросах [7, с. 37-40]. Автор также указывает, что ясным становится только одно – педагог или психолог формально должны находиться в месте проведения допроса с несовершеннолетним.

Единственные упоминания о правах и обязанностях педагога и психолога в производстве допроса содержатся ч. 5 ст. 425 УПК РФ. Данная норма закрепляет право указанных субъектов с разрешения следователя, дознавателя задавать вопросы несовершеннолетнему, знакомиться с протоколом допроса и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей. Представляется очевидным, что подобного правового регулирования недостаточно. По-прежнему в законе отсутствуют иные положения, регулирующие правовой статус психолога или педагога во время производства допроса. Так, в частности, остаётся неясным имеет ли психолог или педагог право приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, а также задавать вопросы иным участникам судопроизводства. В данном случае законодатель был немногословен и закрепил лишь несколько прав этих лиц.

К тому же, вопрос о нормативном закреплении целей и задач деятельности психолога и педагога во время допроса остаётся актуальным. То обстоятельство, что данная проблема достаточно подробно изучена в доктрине уголовного процессуального права, не исключает, а наоборот преумножает необходимость закрепления целей и задач в тексте закона и подчёркивает реальную возможность такого решения.

Разумеется, подобные проблемы, обусловленные несовершенством закона, так или иначе были разрешены на практике. Однако, как бы сложившаяся практика не была адаптирована к неурегулированной части уголовно-процессуальных правоотношений, данные вопросы следует решить на законодательном уровне. Здесь уместно заметить, что Россия является правовым государством, в котором правовой статус, в частности, участников уголовного следствия должен быть урегулирован федеральным законом. Представляется

вполне обоснованным тезис о том, что в настоящее время существует объективная потребность на законодательном уровне закрепить права, обязанности, цели и задачи участия педагога или психолога в осуществлении допроса с участием несовершеннолетнего.

Резюмируя вышесказанное, приходим к выводу, что в действующем правовом регулировании участия психолога и педагога в допросе с участием несовершеннолетних наличествуют правовые пробелы. Неурегулированной сферой общественных отношений остались вопросы: о правах, обязанностях и полномочиях педагога и психолога; нормативных требованиях, которые должны применяться к указанным лицам, а также их цели и задачи при проведении допроса. Кроме того, имеют место факты несовершенства юридической техники, а также непоследовательности законодателя в установлении оснований привлечения психолога и педагога для участия в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого и подсудимого.

С учетом изложенного, имеются основания предложить изложить ст. 425 УПК РФ в редакции, учитывающей рассмотренные выше проблемы.

Ч. 3 ст. 425 УПК РФ: «В допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет, а по усмотрению суда и в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет участие педагога и (или) психолога обязательно. Допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, достигшего возраста шестнадцати лет, но имеющего физические или психические недостатки, участие педагога и (или) психолога обязательно».

Ввести ч. 3.1 следующего содержания: «В допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого может участвовать психолог или педагог, имеющий профильное образование не ниже уровня высшего профессионального образования».

Ввести ч. 3.2 следующего содержания: «Психолог и педагог имеют право приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя,

следователя и прокурора, а также задавать вопросы иным участникам судопроизводства».

Список литературы:

1. Советский уголовный процесс : [Учеб. для вузов МВД СССР / С. В. Бородин, Б. Т. Безлепкин, Ю. Н. Белозеров и др.]; Под ред. С. В. Бородина. - Москва : Акад. МВД СССР, 1982. - 578 с.

2. Иванова, Ю. В. Производство допроса при расследовании хищений / Ю. В. Иванова, С. Ф. Зоткин // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2015. – № 6-7. – С. 81-84.

3. Уголовный процесс : учебник / отв. ред. А. В. Гриненко. – 2-е изд., перераб. – М. : Норма, 2009. – 496 с.

4. Уголовный процесс : Учебник / [Б.Т. Безлепкин, С.В. Бородин, М.В. Боровский и др.]; Под ред. И.Л. Петрухина; Ин-т государства и права Рос. акад. наук. - Москва : Проспект, 2001. – 517 с.

5. Рыбальская, В.Я. О процессуальных гарантиях прав потерпевших в производстве по делам несовершеннолетних // Проблемы борьбы с преступностью. Труды Омской ВШМ и Иркутск. ун-та. – 1975. – С. 81-92.

6. Макаренко, И. А. Проблемы участия педагога и психолога в процессе расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних / И. А. Макаренко // Российский следователь. – 2007. – № 13. – С. 5-7.

7. Тетюев, С. В. Зачем уголовному процессу педагог? / С. В. Тетюев // Российская юстиция. – 2010. – № 6. – С. 37-41.